

АНГЛИЙСКИЙ ПО КЛАССИКЕ
Александр Дюма
Две Дианы

Читай и понимай без словаря

Александр Дюма

Две Дианы. Англо- русская билингва

<https://litres.ru/74496724>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хотите читать Дюма на английском с переводом?

Эта книга устроена так: каждое английское предложение сразу сопровождается русским текстом. Вы не ищете слова в словаре и не теряете смысл. Читаете — и понимаете всё с первой страницы.

«Две Дианы» — роман Александра Дюма о любви, чести и опасных тайнах. Здесь есть старинные замки, заговоры, дуэли и история, которая держит в напряжении до конца. Читая такую книгу, вы забываете, что учите язык, — и это лучший способ выучить.

Читайте про себя, чтобы привыкнуть к английскому. Читайте вслух, чтобы слышать речь и снимать языковой барьер. Каждое предложение — шаг к свободному чтению.

А если кто-то скажет, что сначала нужно выучить грамматику, вспомните: по-русски мы заговорили раньше, чем узнали, что «жи» и «ши» пишутся с буквой «и».

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Дюма Две Дианы. Англо- русская билингва

Глава

АНГЛИЙСКИЙ ПО КЛАССИКЕ
Александр Дюма
Две Дианы

Хотите читать приключения на английском с переводом?

Эта книга устроена так: каждое английское предложение сразу сопровождается русским текстом. Вы не ищете слова в словаре и не теряете смысл. Читаете — и понимаете всё с первой страницы.

«Две Дианы» — роман Александра Дюма о любви, чести и опасных тайнах. Здесь есть старинные замки, заговоры, дуэли и история, которая держит в напряжении до конца. Читая такую книгу, вы забываете, что учите язык, — и это лучший способ выучить.

Читайте про себя, чтобы привыкнуть к английскому. Читайте вслух, чтобы слышать речь и снимать языковой барьер. Каждое предложение — шаг к свободному чтению.

А если кто-то скажет, что сначала нужно выучить грамматику, вспомните: по-русски мы заговорили раньше, чем узнали, что «жи» и «ши» пишутся с буквой «и».

© Самойлов А.Г., 2026г.

Alexandre Dumas Александр Дюма

Two Dianas Две Дианы

Part One Часть первая

The Count's Son and the King's Daughter Графский сын и королевская дочь

It happened on May 5, 1551. Случилось это 5 мая 1551 года. An eighteen-year-old boy and a woman of about forty left a modest country house and slowly walked along the street of a village called Montgomery. Восемнадцатилетний юноша и женщина лет сорока вышли из скромного сельского домика и неторопливо зашагали по улице деревушки, именуемой Монтгомери.

The young man was a splendid Norman type: chestnut hair, blue eyes, white teeth, bright lips. Молодой человек являл собою великолепный нормандский тип: каштановые волосы, синие глаза, белые зубы, яркие губы. The freshness and velvetiness of his skin lent a certain delicacy, almost femininity, to his beauty. Свежесть и бархатистость его кожи придавали некоторую изнеженность, чуть ли не женственность, его красоте. He was, however, remarkably built: moderately strong and flexible as a reed. Сложен он был, впрочем, на диво: крепок в меру и гибок, как тростник. His clothes were simple but elegant. Одежда его была проста, но изящна. A doublet of dark purple cloth, embroidered with silk of the same color, fit him smartly; his breeches were of the same cloth and with the same trim; high black boots, such as were usually worn by pages and squires, rose above the knees; a velvet beret, pushed to one side, set off his high forehead, on which lay not only the seal of calm, but also of spiritual fortitude. На нем ловко сидел камзол тем-

но-лилового сукна, расшитый шелком того же цвета; из такого же сукна и с такою же отделкой были его рейтузы; высокие черные сапоги, какие обычно носили пажы и оруженосцы, поднимались выше колен; бархатный берет, сдвинутый набок, оттенял его высокий лоб, на котором лежала не только печать спокойствия, но и душевной твердости.

The riding horse, which he led behind him by the bridle, threw up its head from time to time and, flaring its nostrils, neighed. Верховая лошадь, которую он вел за собою на поводу, вскидывала по временам голову и, раздувая ноздри, ржала.

The woman, by her appearance, belonged, if not to the peasant class, then, probably, to the intermediate class between the peasants and the bourgeoisie. Женщина по своему виду принадлежала если не к крестьянскому сословию, то, вероятно, к промежуточному слою между крестьянами и буржуа. The young man asked her several times to lean on his arm, but she refused each time, as if, given her position, she considered herself unworthy of such an honor. Юноша несколько раз просил ее опереться на его руку, однако она всякий раз отказывалась, словно по своему положению считала себя недостойной такой чести.

As they walked along the street leading to the castle, which rose majestically above the modest village, it was easy to notice that not only the youth and adults, but also the old people bowed low to the young man passing by them. Пока они шли по улице, ведущей к замку, который величаво вздымался над скром-

ной деревушкой, нетрудно было заметить, что не только молодежь и взрослые, но и старики низко кланялись проходившему мимо них юноше. Everyone seemed to recognize him as their lord and master. Каждый словно признавал в нем господина и повелителя. But this young man, as we will now see, did not know who he was. А ведь этот молодой человек, как мы сейчас увидим, сам не знал, кто он такой.

Once outside the village, they turned onto a road, or rather, a path, leading steeply up the mountain. Выйдя за околицу, они свернули на дорогу или, вернее, на тропинку, круто ведущую в гору. It was simply impossible to walk along it side by side, and therefore – however, only after some hesitation and persistent requests from the young man – the woman went ahead. Идти по ней рядом было просто невозможно, а поэтому – впрочем, только после некоторых колебаний и настойчивых просьб молодого человека – женщина пошла впереди.

The young man silently followed her. Юноша молча двинулся за ней. A shadow of some heavy concern lay on his pensive face. На его задумчивом лице лежала тень какой-то тяжелой заботы.

Beautiful and formidable was the castle where these two travelers, so different in age and position, were heading. Красив и грозен был замок, куда направлялись эти два путника, столь различные по возрасту и положению. It took four centuries and ten generations for this entire stone colossus to dominate the mountain. Потребовалось четыре века и десять

поколений, чтобы вся эта каменная громада сама стала господствовать над горою. Like all the buildings of that era, the castle of the Earls of Montgomery did not at all represent a single architectural ensemble. Как и все строения той эпохи, замок графов Монтгомери отнюдь не представлял собой единого архитектурного ансамбля. It passed from father to son, and each owner, based on his whims or needs, added something to this gigantic pile of stones. Он переходил от отца к сыну, и каждый владелец, исходя из своих прихотей или потребностей, что-нибудь добавлял к этому исполинскому нагромождению камней. The square tower, the main citadel of the castle, was built under the Dukes of Normandy. Квадратная башня, главная цитадель замка, сооружена была еще при герцогах Нормандских. Then turrets with graceful battlements, with carved windows, began to be added to the stern stronghold, and all this stone carving multiplied and increased over the years. Затем к суровой твердыне стали присоединяться башенки с изящными зубцами, с резными оконницами, и вся эта резьба по камню с годами плодилась и умножалась. Finally, a long gallery with Gothic windows, built at the end the reign of Louis XII and the beginning of the reign of Francis I, completed the centuries-old accumulation. Наконец, длинная галерея с готическими окнами, построенная в конце царствования Людовика XII и в начале правления Франциска I, завершила собою многовековое нагромождение.

But now our travelers have approached the main gate. Но вот

путники наши подошли к главным воротам.

A strange thing! Странная вещь! For fifteen years this magnificent castle had been without an owner. Вот уже пятнадцать лет у этого великолепного замка не было владельца. The old manager still collected rent, and the servants, already aged, still maintained order in the castle, unlocking the gates every morning, as if expecting the arrival of the owner, and locking them every evening, as if the owner had postponed his return until the morning. Старый управляющий все еще взимал арендную плату, а слуги, уже постаревшие, все еще поддерживали порядок в замке, каждое утро отпирая ворота, словно в ожидании прихода хозяина, и каждый вечер их запирая, словно хозяин отложил свое возвращение до утра.

The manager received both visitors with the friendliness with which everyone treated this woman, and with the respect which everyone apparently had for this young man. Управляющий принял обоих посетителей с тем дружелюбием, с каким относились все к этой женщине, и с тем почтением, какое все, по-видимому, питали к этому юноше.

“Mr. Elio,” the woman addressed him, “would you allow us to enter the castle?” – Господин Элио, – обратилась к нему женщина, – не позволите ли вы нам войти в замок? “I need to tell Mister Gabriel something,” she pointed at the young man, “and I can only tell him this in the main hall.” Мне нужно кое-что сказать господину Габриэлю, – показала она на юношу, – а сказать ему это я могу только в парадном зале.

“What can we talk about, Madame Alois!” – Какие могут быть разговоры, госпожа Алоиза! “Of course, come in,” said Elio, “and tell the young master wherever you are, whatever is on your heart.” Конечно, входите, – сказал Элио, – и где угодно скажите молодому господину все, что у вас на сердце.

They passed the guardhouse, walked along the gallery and finally entered the main hall. Они миновали караульную, прошли по галерее и вошли наконец в парадный зал.

It was furnished exactly as it had been on the day its last owner left it. Он был обставлен точно так же, как и в тот день, когда его покинул последний владелец. But no one had entered this hall, where all the Norman nobility had once gathered, for fifteen years, except servants. Но в этот зал, где некогда собиралась вся нормандская знать, уже пятнадцать лет никто не входил, кроме слуг.

It was into this room that Gabriel entered, not without some excitement (the reader, we hope, has not forgotten that this is what the woman called the young man). Вот в него-то и вошел не без волнения Габриэль (читатель, надеемся, не забыл, что так назвала женщина молодого человека). However, the impression made on him by the gloomy walls, the majestic canopy, the deep windows, could not distract his thoughts from the main purpose that brought him here, and as soon as the door closed behind them, he said: Однако впечатление, произведенное на него мрачными стенами, величественным балдахином, глубокими оконницами, не смогло отвлечь его мысли

от основной цели, приведшей его сюда, и, едва только за ними затворилась дверь, он сказал:

– Well, my good nurse, although you seem to be more excited than me, now there is nowhere to retreat, I will have to tell you what I promised. – Ну, добрая моя кормилица, хотя ты, кажется, и взволнована сильнее меня, теперь отступить уже некуда, придется тебе рассказать то, о чем обещала. Speak without fear, and above all - do not delay. Говори без страха, а главное – не медли. Enough of hesitation, and I should not wait. Хватит колебаться, да и мне не след ждать. When I asked you what name I have the right to bear, what family I came from, who my father is, you answered me: “Gabriel, I will tell you all this on the day you turn eighteen years old. Когда я спрашивал тебя, какое имя вправе я носить, из какой семьи я вышел, кто мой отец, ты отвечала мне: «Габриэль, я скажу вам это все в день, когда вам исполнится восемнадцать лет. Then you will become an adult and will have the right to wear a sword.” Тогда вы станете совершеннолетним и будете иметь право носить шпагу». And so today, May 5, one thousand five hundred and fifty-one, I turned eighteen years old and I demanded that you keep your word, but you answered with terrifying solemnity: “Not in the humble house of the widow of a poor stableman should I open your eyes to who you are, but in the ceremonial hall of the castle of the Earls of Montgomery! И вот сегодня, пятого мая тысяча пятьсот пятьдесят первого года, мне исполнилось восемнадцать лет и я потребовал от тебя соблюдения слова, но ты

с ужасающей торжественностью ответила: «Не в скромном доме вдовы бедного конюшего должна я открыть вам глаза на то, кто вы такой, а в парадном зале замка графов Монтгомери!» And so We climbed the mountain, stepped over the threshold of the castle of noble counts and now find ourselves in the ceremonial hall. » И вот мы взобрались на гору, перешагнули порог замка родовитых графов и теперь находимся в парадном зале. Speak then! Говори же!

- Sit down, Gabriel. – Садитесь, Габриэль. You will allow me to call you that again, won't you? Вы ведь позволите мне еще раз назвать вас так?

The young man, in a fit of deep gratitude, squeezed her hands. Юноша в порыве глубокой признательности сжал ее руки.

“Don't sit on this chair or this armchair,” she continued. – Не садитесь ни на этот стул, ни на это кресло, – продолжала она.

“Where should I sit, nurse?” – Куда же мне сесть, кормилица? – the young man was surprised. – удивился юноша.

“Under this canopy,” said Alois with a certain solemnity. – Под этот балдахин, – произнесла Алоиза с какой-то особой торжественностью.

The young man obeyed. Юноша повиновался.

Alois nodded to him: Алоиза кивнула ему:

- Now listen to me. – Теперь выслушайте меня.

“But you sit down too,” Gabriel asked. – Но и ты сядь, – попросил Габриэль.

- Do you allow it? – Вы позволяете?

- Are you making fun of me, nurse? – Ты что, издеваешься надо мной, кормилица?

Alois sat down on the steps at the young man's feet, and he cast an attentive glance at her, full of benevolence and curiosity. Алоиза присела на ступенях у ног молодого человека, и он бросил на нее внимательный взгляд, полный благожелательности и любопытства.

“Gabrielle,” the nurse began, finally daring to speak, “you were barely six years old when you lost your father. – Габриэль, – начала кормилица, решившись наконец заговорить, – вам едва минуло шесть лет, когда вы потеряли отца. That same year I became a widow. В тот же год я овдовела. I nursed you: your mother died giving birth to you, and I, her foster sister, loved you as my own child from that day on. Я выкормила вас: ваша мать умерла, произведя вас на свет, а я, ее молочная сестра, с того же дня полюбила вас, как родное дитя. The widow dedicated her life to the orphan. Вдова посвятила свою жизнь сироте.

“Dear Alois,” exclaimed the young man, “I swear to you, not every mother would have done for her child what you have done for me!” – Дорогая Алоиза, – воскликнул юноша, – клянусь тебе, не всякая мать сделала бы для своего ребенка то, что сделала ты для меня!

“Besides,” continued the nurse, “I was not the only one who took care of you. – Впрочем, – продолжала кормилица, – не я одна заботилась о вас. Monsieur Jamet de Croisic, the

venerable chaplain of this castle, who recently passed away, diligently taught you literacy and science, and no one, according to him, can reproach you for reading, writing and familiarity with the history of the past ... Enguerrand Lorient, a close friend of my late husband, taught you to ride and handle weapons, a lance and a sword - in a word, all the knightly arts, and already two years ago in Alençon, at the competitions on the occasion of the coronation of our sovereign Henry II, you proved that you had well received Enguerrand's lessons. Господин Жаме де Круазик, досточтимый капеллан этого замка, недавно почивший в бозе, старательно обучал вас грамоте и наукам, и никто, по его словам, не может вас упрекнуть по части чтения, письма и знакомства с историей прошлого... Ангерран Лориан, близкий друг моего покойного мужа, научил вас ездить верхом и владеть оружием, копьем и шпагой – словом, всем рыцарским искусствам, и уже два года назад в Алансоне на состязаниях по случаю коронации нашего государя Генриха Второго вы доказали, что хорошо восприняли уроки Ангеррана. I, poor ignoramus, could only love you and teach you the fear of God. Я же, бедная невежда, могла только любить вас и учить страху Божьему. And now, at the age of eighteen, you are a pious Christian, a learned gentleman, a master in military affairs, and I hope that with God's help you will be worthy of your ancestors, Monseigneur Gabriel de Lorge, Count de Montgomery. И ныне, восемнадцати лет от роду, вы – благочестивый христианин, ученый господин, мастер в ратном

деле, и я надеюсь, что с помощью Божьей вы будете достойны ваших предков, монсеньор Габриэль де Лорж, граф де Монтгомери.

Gabriel jumped up impulsively: Габриэль порывисто вскочил:

– I am the Count de Montgomery! – Я – граф де Монтгомери! – Then he smiled proudly. – Затем горделиво улыбнулся. – Well, I thought so, I almost guessed it. – Что ж, я так и думал, я почти догадывался об этом. You know, Alois, I once shared these childhood dreams of mine with little Diana... But why are you sitting at my feet, Alois? Знаешь, Алоиза, этими своими детскими мечтами я как-то поделился с маленькой Дианой... Но почему ты сидишь у ног моих, Алоиза? Get up, embrace me, holy woman. Встань, обними меня, святая женщина. Will you really stop looking at me as your child now just because I am the heir of the Montgomery family? Неужели ты перестанешь теперь смотреть на меня как на свое дитя только потому, что я наследник рода Монтгомери? The heir of Montgomery! Наследник Монтгомери! – he repeated with involuntary pride, embracing his nurse. – с невольной гордостью повторил он, обнимая свою кормилицу. – The heir of Montgomery! – Наследник Монтгомери! So, I bear one of the most ancient and most famous names in France... Roger Montgomery commanded one of the armies of William the Conqueror; One of the Crusades was carried out at his own expense by Guillaume Montgomery... We are

connected by family ties with the royal houses of Scotland and France, and the most noble lords of London and the most famous representatives of the Parisian nobility will call me their relative! Стало быть, я ношу одно из самых древних и самых громких имен Франции... Одною из армий Вильгельма Завоевателя командовал Роже Монтгомери; один из Крестовых походов на свои средства совершил Гильом Монтгомери... Нас связывают родственные узы с королевскими домами Шотландии и Франции, и меня будут называть своим родичем знатнейшие лорды Лондона и знаменитейшие представители парижской знати! Finally, my parent... Наконец, мой родитель...

Here the young man broke off his speech, as if he had encountered an obstacle. Тут юноша оборвал свою речь, словно наткнувшись на препятствие. But he immediately began speaking again: Но тотчас же снова заговорил:

– Alas, despite all this, Alois, I am alone in this world. – Увы, несмотря на все это, Алоиза, я одинок в этом мире. I, the offspring of so many royal ancestors, am a poor orphan, deprived of a father! Я, отпрыск стольких царственных предков, – бедный сирота, лишенный отца! And my mother! А моя мать! She, too, is dead! Умерла и она! Oh, tell me about them, so that I know what they were like! О, расскажи мне про них, чтобы я знал, какие они были! Begin with my father. Начни с отца. How did he die? Как погиб он? Tell me about it. Расскажи мне об этом.

Alois did not answer. Алоиза ничего не ответила. Gabriel

looked at her in amazement. Габриэль изумленно взглянул на нее.

“I ask you, nurse, how did my father die?” – Я спрашиваю тебя, кормилица, как погиб мой отец? – he repeated. – повторил он.

– Monseigneur! – Монсеньор! Perhaps only God knows. Это знает, быть может, один лишь Господь Бог. Count Jacques de Montgomery once left his mansion in Paris and never returned. Граф Жак де Монтгомери однажды ушел из своего особняка в Париже и не вернулся обратно. Friends and relatives searched for him in vain. Друзья и родственники тщетно разыскивали его. He disappeared, Monseigneur. Он исчез, монсеньор. King Francis I ordered an investigation, but it led to nothing. Король Франциск Первый велел нарядить следствие, но оно ни к чему не привело. If he fell victim to some betrayal, then his enemies were very clever or very influential. Если он пал жертвой какого-то предательства, то его враги были очень ловки или очень влиятельны. You have no father, Monseigneur, and yet the tomb of Jacques Montgomery is missing from the chapel of your castle: he was never found, either alive or dead. Отца у вас нет, монсеньор, а между тем в часовне вашего замка недостает гробницы Жака Монтгомери: ни живым, ни мертвым его нигде не нашли.

“Because his own son did not look for him!” – Оттого что его не искал родной сын! exclaimed Gabriel. – воскликнул Габриэль. “Oh, nurse, why did you remain silent for so long? – Ah,

кормилица, отчего ты так долго молчала? Was it not because I had the duty to avenge my father... or save him?" Не потому ли, что на мне лежал долг отомстить за отца... или спасти его?

— No, but only because I had to save you myself, Monseigneur.
— Нет, но только потому, что я должна была спасти вас самого, монсеньор. Listen to me. Выслушайте меня. Do you know what were the last words of my husband, the glorious Perrault Travigny, for whom your house was a shrine? Знаете ли вы, каковы были последние слова моего мужа, славного Перро Травиньи, для которого ваш дом был святыней? "Wife," he said to me a few moments before he breathed his last, "do not wait for my funeral, just close my eyes and leave Paris at once with the child. «Жена, — сказал он мне за несколько мгновений до того, как испустил дух, — не жди моих похорон, закрой мне только глаза и сейчас же уезжай из Парижа с ребенком. Settle in Montgomery, but not in the castle, but in the house that Monseigneur has granted us. Поселись в Монтгомери, но не в замке, а в доме, который нам пожалован монсеньором. There you will raise the heir of our masters, without making a secret of it, but without divulging anything either! Там ты воспитаешь наследника наших господ, не делая из этого тайны, но ничего и не разглашая! Our countrymen will love him and will not betray him. Наши земляки будут его любить и не предадут. The main thing is to hide his origin from himself, otherwise he will appear in society and thereby destroy himself. Главное — скрыть его происхождение от него самого, иначе он пока-

жется в свете и тем самым погубит себя. Let him know only that he belongs to the noble class. Пусть он знает только, что принадлежит к благородному сословию. Then, when he grows up and becomes a cautious, prudent, valiant and honest man - in a word, when he is eighteen years old, tell him his name and family, Alois. Затем, когда он вырастет и станет осторожным, рассудительным, доблестным и честным человеком — словом, когда исполнится ему восемнадцать лет, назови ему имя его и род, Алоиза. Then he will judge for himself what he must and what he can do. Тогда он сам рассудит, что должен и что может сделать. But until then, be on your guard: terrible enmity, ineradicable hatred would pursue him if he were discovered! Но до тех пор будь настороже: страшная вражда, неискоренимая ненависть преследовали бы его, если бы его обнаружили! He who overtook and slew the eagle will not spare his tribe. " Тот, кто настиг и сразил орла, не пощадит и его племени». Having said this, he died, Monseigneur, and I, obedient to his behest, took you, a poor six-year-old orphan, who had only briefly seen her parent, and brought you here. Сказав так, он умер, монсеньор, а я, послушная его завету, взяла вас, бедного шестилетнего сиротку, лишь мельком видевшего своего родителя, и увезла сюда. Here they already knew about the disappearance of the Count and suspected that terrible and merciless enemies threaten everyone who wears his name. Тут уже знали об исчезновении графа и подозревали, что страшные и безжалостные враги грозят каждому, кто носит его

имя. The local residents saw you and, of course, recognized you, but by tacit consent no one questioned me, no one was surprised by my silence. Здесьние жители увидели вас и, конечно, узнали, но по молчаливому согласию никто не расспрашивал меня, никто не удивлялся моему молчанию. Some time later, my only son, your foster brother, died of a fever. Спустя некоторое время мой единственный сын, ваш молочный брат, умер от горячки. The Lord, apparently, wanted me to belong entirely to you. Господу, видно, угодно было, чтобы я принадлежала всецело вам. Everyone pretended to believe that it was not you who survived, but my son. Все делали вид, будто верят, что остался в живых не вы, а мой сын. But you began to resemble - both in appearance and character - your father. Но вы стали походить – и по облику, и по характеру – на своего отца. The makings of a lion were awakening in you. В вас пробуждались задатки льва. It was clear to everyone that you were destined to be a ruler. Всем было ясно, что вам суждено быть властелином. Tribute in the form of the best fruits, a tithe from the harvest came to my house without any requests. Дань самыми лучшими фруктами, десятинная подать с урожая поступали в мой дом без всяких просьб. The best horse from the herd was always provided to you. Лучшую лошадь из табуна всегда предоставляли вам. Monsieur Jamet, Enguerrand and all the servants of the castle saw in you their rightful ruler. Господин Жаме, Ангерран и все слуги замка видели в вас своего законного властелина. Everything in your behavior revealed valor, scope, courage...

And now, finally, you, unharmed, entered that age when I was allowed to trust your common sense and prudence. Все в поведении вашем изобличало доблесть, размах, отвагу... И вот наконец вы, невредимый, вошли в тот возраст, когда мне позволено было довериться вашему здравомыслию и благоразумию. But you, usually so reserved and cautious, immediately started talking about open revenge! Но вы, обычно такой сдержанный и осмотрительный, сразу заговорили об открытой мести!

- About revenge, yes, but not about open revenge. – О мести – да, но не об открытой. What do you think, Alois, are the enemies of my unfortunate father still alive? Как ты думаешь, Алоиза, враги моего несчастного отца еще живы?

- I don't know, Monseigneur. – Не знаю, монсеньор. However, it's better to count on being alive. Однако лучше рассчитывать на то, что живы. And if, let's say, you were to appear at court under your brilliant name, but without friends, without allies, and even without personal merits, what would happen? И если вы, допустим, явитесь ко двору под своим блистательным именем, но без друзей, без союзников и даже без личных заслуг, что же произойдет? Those who hate you would immediately notice your appearance, but you wouldn't notice them. Те, кому вы ненавистны, тут же запрут ваше появление, а вы-то их не заметите. They would strike you, and you would never know where it came from, and not only would your father remain unavenged, but you, Monseigneur, would also

perish. Они нанесут вам удар, а вы так и не узнаете, откуда он исходит, и не только останется неотомщенным ваш отец, но и вы погибнете, монсеньор.

– That’s why I regret, Alois, that I have no time to make friends and a little glory. – Поэтому-то я и жалею, Алоиза, что у меня нет времени приобрести друзей и чуточку славы. Ah, if only I had known about this two years ago! Эх, если бы я знал об этом два года назад! But still! Но все равно! This is only a delay, and I will make up for lost time. Это лишь отсрочка, и я возьму потерянное время. Now I only need to walk twice as fast. Теперь мне всего лишь понадобится шагать вдвое быстрее. I will go to Paris, Alois, and, without hiding that I am Montgomery, I will keep silent that my father is Count Jacques. Я поеду в Париж, Алоиза, и, не скрывая, что я Монтгомери, промолчу, что мой отец – граф Жак. However, I can call myself Viscount d'Exmes, Alois, that is, not to hide, but not to attract attention to myself. Впрочем, я могу назваться виконтом д’Эксмесом, Алоиза, то есть не прятаться, но и не привлекать к себе внимания. Then I will turn to... Whose help should I turn to at court? Затем я обращусь к... К чьей бы помощи обратиться мне при дворе? Perhaps to the Constable of Montmorency, to that cruel blasphemer? Может, к коннетаблю Монморанси, к этому жестокому богохульнику? No, and I understand why You frowned, Alois... To Marshal de Saint-André? Нет, и я понимаю, отчего ты нахмурилась, Алоиза... К маршалу де Сент-Андре? He is not young enough

and not very enterprising... Wouldn't it be better to go to Francis de Guise? Он недостаточно молод и не очень-то предприимчив... Не лучше ли к Франциску де Гизу? Yes, that's best. Да, это лучше всего. At Montmédy, Saint-Dizier, in Bologna, he has already shown what he is capable of. При Монмеди, Сен-Дизье, в Болонье он уже показал, на что способен. It is to him that I will go, under his command I will earn my spurs, under his banners I will make a name for myself. К нему-то я и отправлюсь, под его начальством заслужу свои шпоры, под его знаменами завоюю себе имя.

“Allow me, Monsignor, to tell you again,” Alois remarked, “that the honest and faithful Elio had time to put aside considerable money for the heir of his masters. – Позвольте мне, монсеньор, еще сказать вам, – заметила Алоиза, – что честный и верный Элио имел время отложить немалые деньги для наследника своих господ. You will be able to live like a king, Monsignor, and your young vassals, whom you trained in military affairs, will be obliged and happy to truly fight under your command. Вы сможете жить по-королевски, монсеньор, а молодые ваши вассалы, которых вы обучали военному делу, обязаны и рады будут по-настоящему воевать под вашим началом. You have every right to call them to arms, you know that, Monsignor. Вы имеете полное право призвать их к оружию, вы это знаете, монсеньор.

- And we will use this right, Aloiza, we will use it! – И мы воспользуемся этим правом, Алоиза, мы им воспользуемся!

– Would it be pleasing to Monsignor to immediately receive all his courtiers, servants, and vassals who wish to bow to you? – Угодно ли будет монсеньору теперь же принять всех своих дворовых, слуг, вассалов, которые хотят поклониться вам?

– Let's wait a little longer, my good Alois. – Повременим еще, моя добрая Алоиза. Better tell Martin-Guerr to saddle his horse. Лучше вели Мартен-Герпу оседлать лошадь. I need to go somewhere nearby. Мне надо съездить кое-куда поблизости.

“In the direction of Vimoutiers, perhaps?” – Не в сторону ли Вимутье? – Alois smiled slyly. – лукаво улыбнулась Алоиза.

– Perhaps. – Может быть. Shouldn't I visit and thank old Enguerrand? Разве не должен я навестить и поблагодарить старого Ангеррана?

– And at the same time see little Diana? – И вместе с тем повидать маленькую Диану?

“But she is my wife,” laughed Gabriel, “and I have been her husband for three years now—that is to say, since I was fifteen and she was nine years old. – Но ведь она моя женушка, – засмеялся Габриэль, – и я уже три года – иначе говоря, когда мне было пятнадцать, а ей девять лет, – являюсь ее мужем.

Alois thought about it. Алоиза задумалась.

“My lord,” she said, “if I did not know how lofty and deep your feelings are, I would refrain from the advice I dare to give you now. – Монсеньор, – проговорила она, – если бы я не знала, как возвышенны и глубоки ваши чувства, я воздержалась бы

от совета, который осмелюсь вам дать сейчас. But what is a game for others is a serious matter for you. Но что для других игра, то для вас дело нешуточное. Do not forget, my lord, that Diana's origin is unknown. Не забывайте, монсеньор, что происхождение Дианы неизвестно. One day, Enguerrand's wife, who was with him at that time in Fontainebleau in the retinue of her master, the Count of Vimoutiers, returned home and found the baby in the cradle and saw a heavy purse of gold on the table. Однажды жена Ангеррана, в ту пору находившаяся с ним в Фонтенбло в свите своего господина, графа Вимутье, застала, вернувшись домой, младенца в колыбельке и увидела тяжелый кошель с золотом на столе. In the purse were found, besides the gold, half a carved ring and a piece of paper with only one word: 'Diana'. В кошеле найдены были, кроме золота, половинка резного кольца и листок бумаги с одним только словом: «Диана». Berthe, Enguerrand's wife, was childless and joyfully began to care for the baby. Берта, жена Ангеррана, была бездетна и с радостью принялась ухаживать за малюткой. But on her return to Vimoutiers she died, and as I, a woman, she raised an orphan boy, and he, her husband, raised an orphan girl. Но по возвращении в Вимутье она умерла, и как я, женщина, воспитала мальчика-сиротку, так и он, ее муж, воспитал девочку-сиротку. The same concerns fell on me and on Enguerrand, and we dealt with them together; I tried to teach Diana goodness and piety, while Enguerrand taught you science and dexterity. Одинаковые заботы легли на меня и на

Ангеррана, и мы вместе справлялись с ними; я старалась научить Диану добру и благочестию, Ангерран же учил вас наукам и ловкости. It is quite understandable that you met Diana and became attached to her. Вполне понятно, что вы познакомились с Дианой и привязались к ней. However, you are the Count de Montgomery, and no one has ever come for Diana with the other half of a gold ring. Однако вы – граф де Монтгомери, а за Дианой никто еще не являлся со второй половинкой золотого кольца. Be careful, Monseigneur. Будьте осмотрительны, монсеньор. I know that Diana is only a twelve-year-old child, but she will grow up and become a beauty, and with such a disposition as yours, nothing can be trifled with, I repeat. Я знаю, что Диана – всего лишь двенадцатилетний ребенок, но она вырастет и станет красавицей, а при таком нраве, как у вас, шутить ни с чем нельзя, повторяю. Be careful! Берегитесь! Perhaps she will live out her life as a foundling, and you are too noble a nobleman to marry her. Может, она так и проживет свой век подкидышем, а вы слишком знатный вельможа, чтобы жениться на ней.

“But I am going to leave, nurse, and leave both you and Diana,” Gabriel objected thoughtfully. – Но я ведь собираюсь уехать, кормилица, покинуть и тебя, и Диану, – задумчиво возразил Габриэль.

- That's true. – Это верно. Forgive your old Alois for her excessive fears and go and visit this meek and sweet girl. Простите старой своей Алоизе ее чрезмерные опасения и поез-

жайте навестить эту кроткую и милую девочку. But remember that you are eagerly awaited here. Но помните, что здесь вас с нетерпением ждут.

– Embrace me again, Alois. – Обними меня еще раз, Алоиза. Always call me your son, and I thank you a thousand times, my dear nurse. Называй меня всегда своим сыном, и благодарю тебя тысячу раз, дорогая моя кормилица.

– May you also be blessed a thousand times, my son and master! – Будьте и вы тысячекрат благословенны, сын мой и господин!

Martin-Guerre was already waiting for Gabriel at the gate. Мартен-Герр уже поджидал Габриэля у ворот. One moment – and both of them jumped on their horses. Одно мгновение – и оба они вскочили на коней.

II

Newlywed with a Doll Новобрачная с куклой

Gabriel took the familiar paths to reach the place as quickly as possible. Габриэль направился знакомыми тропами, чтобы поскорее добраться до места. And yet he sometimes slowed his horse's pace. И все же он замедлял иногда бег своего коня. However, the gait of the noble animal depended, perhaps, on the train of thought of its owner. Впрочем, аллюр благородного животного зависел, пожалуй, от хода мыслей его хозяина. Indeed, the most varied feelings - joy and sorrow, delight and despondency - replaced each other in the heart of the young

man. В самом деле, самые разнообразные чувства – радость и печаль, восторг и уныние – сменяли друг друга в сердце юноши. When he felt like Count de Montgomery, a fire lit up his eyes, and he spurred his steed, as if drunk with the scorching wind blowing in his face. Когда он чувствовал себя графом де Монтгомери, огонь загорался в его глазах, и он пришпоривал скакуна, словно пьянея от бьющего ему в лицо обжигающего ветра. Then he suddenly remembered: "My father is killed and not avenged" - and let go of the reins. Затем он вдруг спохватывался: «Мой отец убит и не отомщен» – и отпускал поводья. But then he remembered that he would fight, that his name would become terrible and formidable, that he would give honor to his enemies - and again he set off at a gallop, as if already flying towards glory. Но тут же вспоминал, что он будет сражаться, что страшным и грозным станет его имя, что он воздаст по чести своим врагам, – и опять пускался вскачь, как бы уже летя навстречу славе. However, as soon as he thought that this would require parting with little Diana, he again fell into despondency and gradually switched from a gallop to a slow walk, as if trying to postpone the painful moment of separation. Однако стоило ему подумать, что для этого предстоит расстаться с маленькой Дианой, как он снова впал в уныние и постепенно переходил с галопа на медленный шаг, будто пытаясь этим отсрочить мучительный миг разлуки. And yet he would return, having found the enemies of his father and Diana's parents! И все-таки он вернется, отыскав недругов своего от-

ца и родителей Дианы! And Gabriel rushed forward as swiftly as his hopes. И Габриэль несясь вперед так же стремительно, как и его надежды. When he arrived, joy finally triumphed over sad thoughts. Когда он приехал, радость окончательно восторжествовала над грустными мыслями.

Beyond the hedge that surrounded the orchard of old Enguerrand, Gabriel saw Diana's white dress through the foliage of the trees. За изгородью, окружавшей фруктовый сад старого Ангеррана, Габриэль увидел сквозь листву деревьев белое платье Дианы. Having tied his horse to a willow stump, he jumped over the hedge and, beaming with joy, fell at the girl's feet. Привязав лошадь к ивовому пню, он перескочил через изгородь и, сияя от радости, упал к ногам девочки.

But Diana burst into tears. Но Диана залилась слезами.

– What has happened? – Что случилось? – cried Gabriel. – воскликнул Габриэль. – What has upset us so cruelly? – Что нас так жестоко огорчило? Did Enguerrand scold us for tearing our clothes or for not learning our prayers? Не побранил ли нас Ангерран за то, что мы разорвали свое платье или не выучили молитвы? Has our bullfinch flown away? Не улетел ли наш снегирь? Speak, Diana! Говори, Диана! Your faithful knight, ready to console you, stands before you! Верный твой рыцарь, готовый утешить тебя, стоит перед тобой!

“Alas, Gabriel, you are mistaken, you will no longer be my knight,” Diana responded, “and that is why I am crying.” – Увы, Габриэль, ты ошибаешься, тебе не быть больше моим рыца-

рем, – отозвалась Диана, – и потому-то я и плачу.

Gabriel thought that Enguerrand had told Diana his real name and that she probably wanted to test him. Габриэль подумал, что Ангерран назвал Диане его настоящее имя и поэтому она, наверно, хочет его испытать. And he replied: И он ответил:

– Can anything make me give up the title that you have given me and which I wear with such joy and pride? – Разве может что-нибудь заставить меня отказаться от того титула, который ты предоставила мне и который я ношу с такой радостью и гордостью? Look – I am at your feet! Погляди – я у твоих ног!

But Diana did not seem to understand his words and, crying even harder, buried her face right into the young man's chest. Но Диана, казалось, не понимала его слов и, заплакав еще сильнее, уткнулась прямо в грудь юноши.

- Gabriel! – Габриэль! Gabriel! Габриэль! We won't be able to see each other from now on. Нам нельзя будет отныне видеться.

“Who will stop us?” – Кто же нам помешает? he asked cheerfully. – весело спросил он.

She raised her beautiful blond head and, looking at him with blue, tear-filled eyes, said with importance: Она подняла свою белокурую красивую головку и, взглянув на него синими, полными слез глазами, с важностью заявила:

– Duty! – Долг! – and she sighed deeply. – и глубоко вздохнула.

Her beautiful face was frozen in such a hilarious grimace that the delighted Gabriel, still in the grip of his thoughts, involuntarily laughed and, clasping the child's clear forehead with his palms, kissed him several times. На ее красивом лице застыла такая уморительная гримаска, что восхищенный Габриэль, все еще находившийся во власти своих мыслей, невольно рассмеялся и, обхватив ладонями чистый лоб ребенка, поцеловал его несколько раз. But Diana quickly moved away from him: Но Диана поспешно отстранилась от него:

- No, my friend, enough of such conversations. – Нет, мой друг, довольно таких бесед. Oh my God! О боже мой! We can't talk like before! Мы не можем теперь говорить, как прежде!

“What kind of tales did Enguerrand tell her?” «Что за сказки наплел ей Ангеппан? – thought Gabriel, not understanding anything, and added out loud: » – подумал Габриэль, ничего не понимая, и вслух прибавил:

- So you fell out of love with me, Diana? – Так ты меня разлюбила, Диана?

- Stop loving you! – Разлюбить тебя! – she cried. – воскликнула она. – How can you say such things, Gabriel? – Как ты можешь говорить такие вещи, Габриэль? Aren't you my childhood friend, my brother for life? Разве ты не друг моего детства, не мой брат на всю жизнь? Haven't you been kind and gentle with me? Разве ты не был добр и нежен со мной? Who carried me in his arms when I was tired? Кто носил меня на

руках, когда я уставала? Who helped me with my lessons? Кто помогал мне учить уроки? You, you! Ты, ты! Who invented so many games for me? Кто для меня придумывал множество игр? Who picked me wonderful bouquets in the meadows? Кто собирал мне чудесные букеты на лугах? Who found the goldfinches' nests in the woods? Кто находил гнезда щеглят в лесах? All you, all you! Все ты, все ты! I will never forget you! Я никогда тебя не забуду! But, in spite of all this, alas, we must part, and part forever. Но, несмотря на все это, увы, мы должны расстаться, и расстаться навеки.

-

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.